

Упомянутым выше законом Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 451-З были внесены существенные изменения в ст. 371² УК. Так, были декриминализованы деяния, выраженные в нарушении иностранным гражданином или лицом без гражданства правил пребывания в Республике Беларусь (пребывание без визы, миграционной карты, паспорта или иного документа, его заменяющего, предназначенного для выезда за границу, пребывание в Республике Беларусь по недействительным документам, несоблюдение установленного порядка регистрации либо передвижения и выбора места жительства, уклонение от выезда по истечении определенного им срока пребывания, нарушение правил транзитного проезда (транзита) через территорию Республики Беларусь либо порядка занятия трудовой, предпринимательской или иной деятельностью, если лицо в течение года дважды привлекалось к административной ответственности за такие же действия). Изменено было и название статьи на «Нарушение срока запрета въезда в Республику Беларусь».

В настоящее время объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 371² УК, образует пребывание в Республике Беларусь иностранного гражданина или лица без гражданства, депортированных или высланных из Республики Беларусь, до окончания срока запрета въезда в Республику Беларусь. При этом уголовная ответственность наступает, когда лицо, будучи депортированным или высланным из Беларуси, выехав за ее пределы, вновь до истечения срока запрета въезда незаконно пересекло государственную границу Республики Беларусь на участке, где не установлен соответствующий правовой режим ее охраны, и пребывает на ее территории.

Важно иметь в виду, что при вынесении постановления о депортации иностранца в соответствии с законодательством он вправе избрать добровольный выезд из страны как вариант реализации депортации. Если же такое лицо все-таки не покинет территорию Республики Беларусь в течение установленного срока, то компетентным органам необходимо выдворить такого иностранца в принудительном порядке. В таком случае отсутствуют основания для привлечения к уголовной ответственности по ст. 371² УК, поскольку в соответствии со ст. 6.11 КоАП Республики Беларусь депортация признается выдворением лица за пределы Республики Беларусь, а в соответствии со ст. 1 закона «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства» высылка – это выдворение иностранца из Республики Беларусь. Следовательно уголовная ответственность наступает только в том случае, если иностранец выезжал за пределы Республики Беларусь после вынесения решения о его депортации (высылке).

Проведенный анализ норм, закрепленных в ст. 371, 371¹, 371² УК, свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования уго-

ловно-правовых средств противодействия незаконной миграции в целях исключения ошибок при квалификации, соблюдения принципа законности, исключения в практической деятельности неоднозначного, противоречивого применения норм права. Достижению указанных целей будет способствовать и активизация изучения проблемы единообразного определения в действующем законодательстве базовых понятий в сфере борьбы с незаконной миграцией. Высокой эффективности работы в данном направлении будет способствовать консолидация усилий научных учреждений, правоохранительных и нормотворческих органов.

А.А. Семин, начальник кафедры уголовного права и криминологии УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПРОВОКАЦИИ И ИНСЦЕНИРОВКИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Одной из наиболее действенных мер в предупреждении, выявлении и пресечении преступлений с высокой степенью латентности (незаконный оборот оружия, наркотиков, коррупционные преступления, преступления, совершаемые в составе организованных групп или преступных организаций, и др.) является проведение оперативно-розыскных мероприятий. Ведущая роль здесь отводится таким негласно проводимым мероприятиям, как проверочная закупка и оперативный эксперимент, которые в самом общем понимании заключаются в искусственном создании ситуации (обстановки), позволяющей лицу реализовать свои преступные намерения под контролем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, и таким образом получить доказательства совершения преступления.

Вместе с тем при осуществлении оперативно-розыскной деятельности соответствующим органам и должностным лицам запрещается фальсифицировать ее результаты либо подстрекать (провоцировать) граждан к совершению противоправных действий (ч. 7 ст. 6 закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности»). Поскольку указанные деяния имеют определенное сходство с упомянутыми выше правомерными оперативно-розыскными мероприятиями, в частности, также связаны с искусственным созданием определенной ситуации (обстановки), существует необходимость более четкого определения понятий инсценировки и провокации преступления в целях

их отграничения от правомерных действий компетентных лиц по выявлению и раскрытию преступлений.

В литературе отсутствует единая точка зрения относительно понятий «провокация преступления» и «инсценировка преступления». Неоднозначно решается и вопрос о правовой оценке действий лиц, спровоцировавших преступление либо инсценировавших его совершение. Кроме того, подавляющее большинство авторов публикаций обращаются к обозначенному вопросу лишь применительно к случаям взяточничества.

Нерешенность указанной проблемы на практике приводит к неоправданному отказу оперативных сотрудников от проведения соответствующих мероприятий ввиду опасений быть обвиненными в незаконных действиях либо, наоборот, к злоупотреблениям по службе, когда проводимые под видом оперативно-розыскных мероприятий деяния имеют признаки провокации преступления либо фальсификации доказательств его совершения.

В Беларуси провокация преступления не имеет законодательного определения.

Толковый словарь С.И. Ожегова определяет провокацию как «предательское поведение, подстрекательство кого-нибудь к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия» [1, с. 525]. Соответственно провокация подразумевает воздействие на сознание и волю какого-либо лица с целью возбуждения у него желания совершить действие, способное повлечь неблагоприятные для подстрекаемого последствия.

Именно в таком значении провокация употреблялась в первых советских уголовных законах и была затем воспринята теорией уголовного права. Так, ст. 115 УК РСФСР 1922 г. определяла провокацию взятки как «заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение взятки, в целях последующего изобличения дающего взятку». Статья 119 УК РСФСР 1926 г. и ст. 209 УК БССР 1928 г., исходя из аналогичного толкования объективных признаков провокации, устанавливали ответственность за провокацию не только дачи взятки, но и ее получения.

Более позднее советское уголовное законодательство (УК БССР 1960 г., УК РСФСР 1960 г.) не содержало специальных норм об ответственности за провокацию какого-либо преступления¹. Однако было общепризнанным, что «провокатор склоняет к совершению преступления,

¹ Исключение составлял лишь УК УССР 1960 г., в котором норма об ответственности за провокацию взятки была сохранена. Можно отметить также положения ст. 64 УК БССР 1960 г. и ст. 67 УК РСФСР 1960 г., устанавливавшие ответственность за террористический акт против представителя иностранного государства. Однако в случаях совершения этих преступлений виновный должен был не действовать с целью провокации какого-либо преступления, а стремиться вызвать войну или международные осложнения.

чтобы затем изобличить преступника», а «все случаи провокационной деятельности должны квалифицироваться на общих основаниях, то есть как подстрекательство к соответствующему преступлению» [2, с. 619].

Нельзя не отметить очевидное преимущество такого единого подхода в оценке подстрекательской деятельности: вряд ли можно утверждать, что провокация взяточничества более опасна, чем провокация убийства, изнасилования, незаконного оборота наркотиков, оружия и т. п. Как справедливо в свое время отметил Верховный суд СССР, «каковы бы ни были мотивы, побудившие лицо прибегнуть к провокации преступления, она составляет уголовно наказуемое действие, так как самый способ изобличения, заключающийся в подстрекательстве к совершению преступления, является общественно опасным и поэтому должен влечь уголовную ответственность лица, которое к нему прибегло» [2, с. 619].

В современном законодательстве Российской Федерации определение провокации встречается в двух нормативных правовых актах. Часть 8 ст. 5 федерального закона «Об оперативно розыскной деятельности» определяет провокацию как подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, что отражает традиционный подход к данному понятию. Статьей 304 УК РФ предусматривается ответственность лишь за провокацию взятки либо коммерческого подкупа, под которой понимается попытка передачи должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа. Очевидно, что приведенные определения не равнозначны, что не может не служить поводом для дискуссий.

Следует отметить также, что формулировка провокации взятки либо коммерческого подкупа в ст. 304 УК РФ имеет очевидное сходство с описанием инсценировки получения взятки, незаконного вознаграждения или коммерческого подкупа в ст. 396 УК Республики Беларусь. Последняя определяется как «передача должностному лицу, работнику государственного органа либо иной государственной организации, не являющемуся должностным лицом, или работнику индивидуального предпринимателя либо юридического лица денег, ценных бумаг, иного имущества либо оказание услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа». Свидетельствует ли это о том, что понятия провокации преступления и его инсценировки совпадают?

В толковании нормы ст. 304 УК РФ в настоящее время можно выделить два подхода.

Первая точка зрения исходит из традиционного понимания провокации преступления, в соответствии с которым попытка передачи потерпевшему без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера направлена на получение этого согласия, то есть на возбуждение у данного лица желания принять незаконное вознаграждение [3–6]. Как отмечает Б.В. Волженкин, «определение провокации взятки и коммерческого подкупа в ст. 304 УК как „попытки передачи“ вовсе не означает отсутствие данного состава преступления, если провокация удалась и передача ее предмета состоялась. Используя такое описание преступления, законодатель просто переносит момент окончания преступления на более раннюю стадию, не связывая, таким образом, состав провокации взятки или коммерческого подкупа с той или иной реакцией провоцируемого лица» [4, с. 44–45]. «Провокация взятки является окончанным преступлением, – отмечает Н.Ф. Кузнецова, – независимо от того, удалось ли в провокационных целях склонить должностное лицо к принятию денег, ценных бумаг, иного имущества или услуг имущественного характера, передаваемых ему якобы в качестве взятки» [7, с. 322].

Достоинством данного подхода в российских реалиях является соответствие наименования преступления его описанию в тексте статьи УК и признакам, указанным в ч. 8 ст. 5 федерального закона «Об оперативно розыскной деятельности».

Согласно второй точке зрения в анализируемый состав включаются лишь такие действия, в которые не входит получение согласия должностного лица на принятие ценностей или имущественных услуг [8–14]. Как утверждает П. Яни, «при провокации фактически, технически, так сказать, ценности могут не передаваться непосредственно должностному лицу (помещение их в отсутствие должностного лица в его стол в рабочем кабинете), быть переданы в обладание чиновника без его ведома (открытие счета на имя должностного лица и помещение на счет денежных средств), но могут и быть переданы должностному лицу, когда оно принимает их, в результате введения в заблуждение ошибочно полагая, что получает малоценный подарок или, допустим, возврат долга. Но в любом случае должностное лицо не выражает согласия на принятие ценностей или имущественных услуг в качестве взятки» [14, с. 32]. В такой трактовке провокация взятки либо коммерческого подкупа рассматривается как частный случай фальсификации доказательств и нередко – как преступление, аналогичное по своим признакам инсценировке получения взятки, незаконного вознаграждения или коммерческого подкупа (ст. 396 УК Республики Беларусь) [12, с. 71].

Вторая точка зрения представляется нам менее удачной, поскольку лишена указанных выше достоинств первой. Неубедительно выглядит и попытка обосновать такой подход ссылкой на указание пленума Вер-

ховного суда РФ, в соответствии с которым, «решая вопрос о наличии состава данного преступления, суду надлежит проверять, не было ли предварительной договоренности с должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческих или иных организациях, о согласии принять предмет взятки или коммерческого подкупа. При отсутствии такой договоренности и отказе принять предмет взятки или подкупа лицо, пытавшееся вручить названный предмет в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа, подлежит ответственности по ст. 304 УК РФ» [15]. Но отсутствие предварительной договоренности о согласии принять незаконное вознаграждение вовсе не препятствует совершению действий, направленных на получение такого согласия в процессе вручения предмета преступления.

Примечательно, что исследователи, придерживающиеся данного понимания провокации, сами признают его неудачность и предлагают изменить либо наименование, либо содержание ст. 304 УК РФ [8, с. 15; 12, с. 74].

Однако, будучи неудачной при толковании ст. 304 УК РФ, последняя точка зрения вполне может быть использована при уяснении признаков ст. 396 УК Республики Беларусь, в наименовании которой не используется термин «провокация». Согласно толковому словарю С.И. Ожегова инсценировать означает «притворно изобразить что-нибудь» [1, с. 216]. Соответственно инсценировка получения взятки, незаконного вознаграждения или коммерческого подкупа представляет собой имитацию, искусственное создание видимости принятия предмета преступления должностным лицом, работником государственного органа либо иной государственной организации, не являющимся должностным лицом, или работником индивидуального предпринимателя либо юридического лица. В содержание умысла виновного в данном случае не входит получение согласия лица на принятие ценностей или услуг имущественного характера, он действует помимо либо вопреки воле потерпевшего. О правильности такой трактовки, по нашему мнению, свидетельствует и решение законодателя об исключении из текста статьи оговорки «без его согласия» [16], поскольку инсценировка возможна без явно выраженного отказа потерпевшего на получение предмета преступления.

Таким образом, различные наименования ст. 304 УК РФ и ст. 396 УК Республики Беларусь свидетельствуют и о необходимости различного толкования признаков предусмотренных ими преступлений.

Признавая определенное сходство провокации преступления с подстрекательством к нему, считаем необходимым отметить, что это сходство имеет лишь внешний характер и не учитывает особенностей субъ-

ективной стороны содеянного. Как справедливо отмечает С.В. Кугушева, в отличие от подстрекательства «при провокации преступления фактически отсутствует единство умысла лица, ее осуществляющего, и лица, в отношении которого осуществляется провокация» [17, с. 25]. Волевой момент умысла провокатора заключается в стремлении изблечь провоцируемого и не совпадает с волевым моментом совершения преступления в соучастии, который подразумевает желание или сознательное допущение единого для всех соучастников преступного результата. Соответственно нельзя считать провокатора и спровоцированного лицами, совершившими преступление совместно, и оценивать их действия как совершенные в соучастии [6; 12, с. 73; 18].

С указанной точкой зрения косвенно соглашаются и авторы, которые предлагают оценивать действия лица, совершившего преступление вследствие провокации, как покушение на преступление [7, с. 322]. Такая квалификация отражает отсутствие у провокатора желания причинить вред объекту уголовно-правовой охраны спровоцированного им преступления и стремления допустить совершение преступления. Он желает лишь получить доказательства его совершения.

Это позволяет признать необоснованной квалификацию действий провокатора как подстрекателя к совершению преступления и тем самым констатировать пробел в оценке данных действий. А. Арутюнов предлагает восполнить его путем закрепления в Общей части УК правила о том, что действия провокатора в зависимости от их содержания квалифицируются как действия подстрекателя либо организатора преступления [3, с. 34]. Преимуществом такого решения является возможность дифференцировать ответственность виновного в зависимости от преступления, совершение которого им было спровоцировано. Однако решение о квалификации в рамках института соучастия представляется не очень удачным ввиду отсутствия в провокационных действиях необходимых для данного института субъективных признаков. Более приемлемым является мнение Н.В. Артеменко и А.М. Миньковой, которые предлагают включить норму о провокации преступления в главу «Преступления против правосудия» Особенной части УК, дифференцировав ответственность виновного в зависимости от категории преступления [18]. Представляется, что это позволит рассматривать провокацию преступления в рамках института прикосновенности к преступлению.

В настоящее время действия провокатора подлежат ответственности лишь в том случае, если наряду с собственно провокацией лицо совершило иное преступление. Например, действия сотрудника правоохранительного органа, спровоцировавшего совершение преступления при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, содержат признаки

превышения власти или служебных полномочий (ст. 424 УК), провокация незаконного оборота наркотиков может быть связана с совершением соответствующего преступления против здоровья, провокация незаконных действий в отношении оружия – содержать признаки соответствующего преступления против общественной безопасности и т. д.

Выше указывалось, что действия лица, ставшего жертвой провокации, некоторыми авторами рекомендуется квалифицировать как покушение на соответствующее преступление. Однако такой вариант правовой оценки представляется нам приемлемым лишь в том случае, когда действия провоцируемого с самого начала находились под контролем соответствующего правоохранительного органа и он был задержан непосредственно после совершения преступного деяния. Такая квалификация отражает, что по причинам, не зависящим от виновного, содеянное им было лишено свойства общественной опасности¹. При отсутствии контроля, например, когда провокатор действовал с намерением сообщить о содеянном уже после того, как преступление будет совершено, спровоцированное лицо должно быть привлечено к ответственности без ссылок на ч. 1 ст. 14 УК.

Решая вопрос о квалификации действий лица, инсценировавшего получение взятки, незаконного вознаграждения или коммерческий подкуп, следует учитывать специальную норму (ст. 396 УК). Лицо, инсценировавшее совершение иного преступления и сообщившее о нем в компетентный орган, должно привлекаться к ответственности за заведомо ложный донос, соединенный с искусственным созданием доказательств обвинения (ч. 2 ст. 400 УК). Представляется, что по ч. 2 ст. 400 УК могут быть привлечены и сотрудники правоохранительного органа, выступившие инициаторами привлечения потерпевшего к уголовной ответственности. В последнем случае заведомо ложный донос находит свое выражение в подготовленных ими первичных служебных документах, содержащих ложную информацию о преступлении, которое якобы имело место, и послуживших поводом для возбуждения соответствующего уголовного дела. Кроме того, в действиях указанных сотрудников усматриваются признаки превышения власти или служебных полномочий (ст. 426 УК) [4, с. 44].

В тех случаях, когда лицо не обращалось с заведомо ложным сообщением в компетентный орган, рассчитывая, например, что о мнимом преступлении станет известно каким-либо иным образом, или действовало с намерением шантажа потерпевшего, мы вынуждены констати-

¹ Однако возможность привлечения данного лица к уголовной ответственности является весьма призрачной, поскольку согласно ч. 5 ст. 105 УПК Республики Беларусь доказательства, полученные с нарушением закона, не могут быть положены в основу обвинения.

ровать пробел в правовой оценке содеянного. Некоторые авторы предлагают оценивать данные действия как фальсификацию доказательств по ст. 395 УК [4, с. 44; 19, с. 50]. Данную точку зрения нельзя признать правильной, поскольку, несмотря на совпадение объективных признаков инсценировки преступления и фальсификации доказательств, которое уже оговаривалось выше, привлечение к ответственности по ст. 395 УК возможно лишь при наличии возбужденного уголовного дела и лишь лиц, тем или иным образом причастных к его расследованию.

Круг преступлений, которые могут стать предметом инсценировки, достаточно широк: убийство, фальшивомонетничество, незаконный оборот наркотиков, оружия и т. д. Поэтому введение ответственности лишь за инсценировку получения взятки, незаконного вознаграждения или коммерческого подкупа представляется нам не совсем логичным шагом. Считаем, что глава «Преступления против правосудия» Особенной части УК должна быть дополнена нормой, предусматривающей ответственность за инсценировку совершения любого преступления.

Определив сущностные характеристики провокации преступления и инсценировки его совершения, а также особенности квалификации данных деяний, попытаемся провести их отграничение от правомерных оперативно-розыскных мероприятий. Если суть провокации заключается в искусственном создании условий, которые формируют у лица желание совершить преступление, то правомерное оперативно-розыскное мероприятие состоит в искусственном создании условий, позволяющих лицу проявить уже имеющиеся у него преступные намерения. Инсценировка же выражается в искусственном создании доказательств преступления, которое в действительности данным лицом не совершалось.

При наличии у органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, доказательств того, что какое-либо лицо начало предварительную преступную деятельность (желает реализовать (ранее реализовывало) имеющиеся у него наркотики, оружие, другие предметы, изъятые из гражданского оборота, подбирает исполнителя для убийства по найму и т. п.), и оснований полагать, что данное лицо намерено довести преступление до конца, действия по его изобличению в рамках соответствующего оперативно-розыскного мероприятия могут носить инициативный характер. Например, действующий негласно сотрудник правоохранительного органа может показать свою готовность приобрести указанные выше предметы, совершить убийство по найму, обратиться к лицу с вопросом о наличии оружия либо наркотиков и т. п. В противном случае лицо попытается реализовать свои преступные намерения в иных обстоятельствах и с иными лицами, а значит цели оперативно-розыскной деятельности не будут достигнуты. Вместе с тем, как правильно отмечает В.В. Бачила, действия сотрудников, про-

водящих соответствующее мероприятие, не должны ограничивать свободу лица в выборе: совершить преступление или отказаться от его совершения [20, с. 57]. В первую очередь это должно выражаться в отсутствии стимулов, способных существенным образом влиять на выбор в пользу совершения преступления, ситуация не должна значительно отличаться от обычной в таких случаях. Так, недопустимы предложения приобрести наркотик по цене, существенно превышающей цену на черном рынке, совершить убийство по найму за минимальную плату, дать взятку в размере, превышающем обычную «таксу» лица, и т. п. По указанным соображениям представляется не совсем обоснованной точка зрения авторов, полностью исключающих инициативность со стороны лиц, проводящих оперативно-розыскные мероприятия [19, с. 50; 21, с. 116].

Иной представляется ситуация проведения оперативно-розыскного мероприятия при отсутствии достаточных доказательств, свидетельствующих о предварительной деятельности лица, направленной на совершение какого-либо преступления (например, при наличии информации о событиях или действиях, создающих угрозу национальной безопасности Республики Беларусь, обнаружении лицом лишь умысла на совершение преступления). В данной ситуации совершение действий, которые могут оцениваться как побуждающие лицо к совершению преступления (укрепляющие решимость его совершения), должно быть полностью исключено. Как правильно отметил Б.В. Волженкин, проведение оперативно-розыскного мероприятия при данных обстоятельствах может заключаться в «простом предоставлении возможности совершить преступление» [4, с. 45]. Так, для изобличения потенциально взяточдателя допустимым является «выражение участниками оперативного эксперимента одной лишь заинтересованности в употреблении проверяемым предоставленных ему полномочий» [8, с. 15]. Аналогично «не возникнет сомнений в правомерности действий работников отделов собственной безопасности подразделений милиции, когда они на глазах у инспектора ГИБДД сознательно нарушают правила дорожного движения, чтобы проверить, как последний поведет себя в данной ситуации» [4, с. 45].

С точки зрения теории отличительные черты инсценировки преступления столь ясны, что необходимость в ее отграничении от правомерного оперативно-розыскного мероприятия на первый взгляд представляется излишней. Однако при умелой организации инсценировка может выглядеть весьма убедительно. Поэтому мы считаем, что результаты любого правомерно проведенного оперативно-розыскного мероприятия должны соответствовать требованию очевидности – недвусмысленно отражать желание лица, в отношении которого было осу-

ществлено мероприятие, совершить вменяемое ему преступление. Например, для привлечения к ответственности за получение взятки виновный не только должен фактически принять вручаемые ему материальные ценности, но и каким-либо образом проявить свою осведомленность о том, за что именно они вручаются; для привлечения к ответственности за сбыт наркотических средств должен быть не только зафиксирован факт передачи предмета преступления, но и каким-либо образом подтверждена осведомленность лица о том, что оно сбывает именно наркотическое средство, и т. п.

Таким образом, приходится констатировать, что в правовой оценке провокации и инсценировки преступления существуют пробелы, для устранения которых необходимо решение законодателя. При отграничении данных деяний от оперативного эксперимента следует исходить из того, что если оперативный эксперимент исключительно фиксирует преступное поведение лица, обусловленное его самостоятельным волевым решением, то провокация это волевое решение формирует. При инсценировке же решение лица совершить преступления отсутствует вовсе, а преступное деяние лица имитируется.

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М. : Рус. яз., 1984. 797 с.
2. Курс советского уголовного права : в 5 т. Часть общая. Т. 1. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1968. 646 с.
3. Арутюнов А. Провокация преступления // Рос. следователь. 2002. № 8. С. 33–34.
4. Волженкин Б.В. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией? // Рос. юстиция. 2001. № 5. С. 43–45.
5. Говорухина Е.В. Понятие и правовые последствия провокации в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Ростов н/Д, 2002. 30 с.
6. Чуркин А.В. Соотношение оперативного эксперимента и провокации преступления [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
7. Кузнецова Н.Ф. Общая характеристика главы о преступлениях против правосудия // Новое уголовное право России. Особенная часть : учеб. пособие / Г.Н. Борзенков [и др.] ; под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М. : Зерцало : ТЕИС, 1996. 391 с.
8. Борков В. Провокация взятки или допустимый оперативный эксперимент // Уголов. право. 2004. № 1. С. 14–15.
9. Егорова Н. Провокация взятки либо коммерческого подкупа // Рос. юстиция. 1997. № 8. С. 26–29.
10. Мансуров О.А. Уголовно-правовые меры борьбы с провокацией взятки либо коммерческого подкупа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Акад. управления МВД России. М., 2001. 24 с.
11. Мишин Г. Борьба со взяточничеством: некоторые направления совершенствования уголовной политики // Уголов. право. 2000. № 3. С. 75–80.
12. Побрызаева Е., Бабыч С. Вопросы квалификации провокации взятки либо коммерческого подкупа // Уголов. право. 2006. № 5. С. 70–74.
13. Радачинский С. Провокация как обстоятельство, исключаящее преступность деяния // Уголов. право. 2009. № 2. С. 65–69.
14. Яни П. «Проверка на честность», или Уголовно-правовые основания выявления взяточничества // Законность. 2007. № 1. С. 32–37.

15. О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе [Электронный ресурс] : постановление пленума Верхов. Суда РФ, 10 фев. 2000 г., № 6 : в ред. постановления пленума Верхов. Суда РФ от 6 фев. 2007 г. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

16. О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам уголовной ответственности и оперативно-розыскной деятельности : закон Респ. Беларусь, 15 июля 2009 г., № 42-3 // Нац. реестр прав. актов Респ. Беларусь. 2009. № 173. 2/1594.

17. Кугушева С.В. Провокация преступления: проблемы уголовно-правовой квалификации // Рос. следователь. 2005. № 10. С. 25–26.

18. Артеменко Н.В., Минькова А.М. Проблемы уголовно-правовой оценки деятельности посредника, провокатора и инициатора преступления в уголовном праве РФ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

19. Бранчель И., Благаренко О. Оперативный эксперимент: исключить провокацию преступления // Законность и правопорядок. 2007. № 3. С. 46–50.

20. Бачила В. Оперативно-розыскное мероприятие «оперативный эксперимент»: теория и практика // Суд. весн. 2007. № 3. С. 54–59.

21. Крюков В.Н. Об отграничении оперативного эксперимента от провокации и инсценировки по делам о взяточничестве // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2006. № 1. С. 114–117.

С.Д. Пахомчик, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

ПРИКОСНОВЕННОСТЬ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ: НОВЫЕ ФОРМЫ

В теории уголовного права под прикосновенностью к преступлению принято понимать умышленную деятельность, сопряженную с совершенным или готовящимся другими лицами преступлением, но в отличие от соучастия не содействовавшую ему и не состоящую в причинной связи с преступным результатом.

Учеными выделяются следующие характерные особенности, позволяющие определить прикосновенность как особую и самостоятельную форму преступной деятельности.

1. Общественно опасная деятельность прикосновенных лиц, не будучи соучастием в преступлении, всегда связана с данным преступлением. Эта связь проявляется в том, что лицо, узнав о преступной деятельности другого лица, совершает действия, которые препятствуют раскрытию преступления и реализации целей правосудия, либо бездействует, не исполняя возложенные на него законом обязанности, что в конечном итоге также нарушает интересы правосудия. Как отметил И.А. Бушуев, «поведение прикосновенного лица... находится в касательной связи с главным преступлением. Без главного преступления не может быть и прикосновенности к нему. Однако, хотя деятельность